

Чёрная Колыбель

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Чёрная Колыбель

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Чёрная Колыбель / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

После смерти бабушки Анна приезжает с мужем и грудным сыном в её старый дом в лесу, чтобы решить, что делать с наследством. На чердаке она находит чёрную колыбель — старую, вырезанную без единого гвоздя, с резными спиралями и отпечатками детских ладоней на бортиках. Бабушка прятала её подальше от чужих глаз, но не выбросила. В первую же ночь Анна слышит из-под крыши колыбельную, а утром сын оказывается в колыбели, хотя сам он ещё не умеет ползать.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Егор Конюшенко Чёрная Колыбель

Глава

Мы ехали к бабушкиному дому почти шесть часов. Мирон сначала орал так, что у меня звенело в ушах, потом затих, и я всё оглядывалась на него, проверяла, дышит ли он, не выпала ли соска. Марк вёл машину молча, крепко держал руль, изредка бросал взгляд на навигатор, но тот уже давно показывал только серую полосу без названий. Я смотрела в окно на мокрые ели, на туман, что лежал в низинах, и думала, что бабушка Агнесса умерла так же тихо, как жила, — никто не знал, что её не стало, пока соседка не пришла за солью. Теперь её дом остался мне, и мы ехали туда впервые за много лет, чтобы решить, что с ним делать. Марк предлагал продать сразу, но я не могла. Внутри что-то не пускало.

Дом показался из-за поворота внезапно — тёмный, приземистый, спрятанный за двумя огромными ёлками, которые, казалось, подпирали небо. Крыльцо просело, ставни на окнах покосились, а по фасаду ползли серые подтёки. Марк остановил машину у покосившейся калитки и выключил двигатель. В тишине стало слышно, как падают капли с веток и как тихо сопит Мирон. Я вылезла из машины, ноги затекли, и меня обдало запахом мокрой хвои и прелых листьев. Марк обошёл машину, открыл дверь с моей стороны, подал руку.

— Вот и приехали, — сказал он негромко и посмотрел на дом. — Выглядит так, будто его не открывали лет десять.

— Два года, как бабушка умерла, — ответила я, беря его под локоть. — Но да, запах такой, будто здесь никто не жил.

Мы достали Мирона из автокресла. Он проснулся, завозился, захныкал, и я прижала его к себе, укачивая. Марк взял сумки и пошёл первым, отодвигая мокрые ветки. Ключ от входной двери бабушка когда-то передала моей матери, а та — мне. Он был тяжёлый, ржавый, с деревянной биркой. Замок поддался со скрипом, дверь отворилась, и из глубины дома пахнуло густым тёплым воздухом, в котором смешалось всё: пыль, сушёная полынь, что-то сладковатое, как старые духи, и холод каменных стен.

Внутри было темно, но Марк щёлкнул выключателем в прихожей, и под потолком зажглась тусклая лампочка на кривом шнуре. Я огляделась. Всё было, как в детстве: высокие потолки, узкий коридор, обои в мелкий цветочек, местами отклеившиеся. На вешалке висела старая шаль, на полу лежал плетёный коврик. Марк поставил сумки у стены и чихнул.

— Ну и пыль, — пробормотал он. — Надо проветрить.

Он прошёл на кухню, открыл окно, и в дом ворвался свежий дождевой воздух, отчего пыль закружилась в свете. Я с Мироном осталась в коридоре, прислушиваясь. Где-то в глубине дома, наверху, скрипнула половица. Один раз. Мирон затих у меня на руках, и мне стало не по себе. Я прижала его крепче и пошла за Марком, который уже осматривал комнаты на первом этаже.

Гостиная была тёмной из-за закрытых ставен. Марк распахнул их, и я увидела бабушкину мебель: диван с протёртой обивкой, круглый стол под скатертью, комод с фотографиями в деревянных рамках. На одной из них я узнала себя маленькую, в синем платье, на руках у бабушки Агнессы. Лицо её было смазано бликом, но я помнила, как она улыбалась — уголками губ, сдержанно. Рядом стояла спальня с железной кроватью и иконой в углу, перед которой теплилась потухшая лампадка. Я перекрестилась машинально, хотя в церковь не ходила.

— Ты только посмотри, — сказал Марк из кухни. — Плита ещё тёплая, что ли? Нет, просто солнце нагрело.

Я не ответила. Взгляд упал на лестницу в конце коридора. Она вела наверх, на чердак, и оттуда снова слышался тот же тихий скрип. Я замерла. Мирон дёрнулся и снова захныкал. Марк вышел из кухни с полотенцем в руках и проследил за моим взглядом.

— Там чердак? — спросил он. — Нужно будет осмотреть, может, крыша течёт.

— Я сама поднимусь, — ответила я быстрее, чем собиралась. — Посмотрю, что там. А ты побудь с Мироном.

Он кивнул, но нахмурился.

— Осторожнее там. Ступеньки могли сгнить.

Я отдала ему сына. Мирон сразу потянулся к отцу, схватил его за ворот куртки, и Марк улыбнулся, прижал его к груди. А я подошла к лестнице, взялась за перила и ступила на первую ступеньку. Та отозвалась громким скрипом, будто предупреждая.

Наверху было темно, только через маленькое слуховое окно косо падал свет, и в нём висели пылинки. Я нашла на стене выключатель, щёлкнула — лампочка под потолком мигнула, но не загорелась. Пришлось достать телефон и включить фонарик. Луч выхватил из тем-

ноты старые чемоданы, сломанные стулья, вязанки с сухими травами, которые пахли особенно сильно — полынью и ещё чем-то, похожим на лаванду. Всё лежало так плотно, что было трудно пройти, и я ступала осторожно, боясь зацепить что-нибудь ногой. Воздух был спёртый, тяжёлый, как перед грозой.

И тут луч упёрся в неё. Она стояла в дальнем углу, наполовину прикрытая старым одеялом. Чёрная колыбель. Дерево было почти чёрным, будто обугленным, но не от огня — просто старое, потемневшее от времени. Я подошла ближе, отодвинула одеяло, и оно упало на пол, подняв облако пыли. Колыбель была сделана без единого гвоздя — на видимых местах только деревянные клинья и пазы. По бортикам шли резные спирали, а между ними — маленькие отпечатки детских ладоней, как будто кто-то вдавливал руки в мокрое дерево, и они остались навсегда. Я провела пальцем по одному отпечатку — он был холодным и гладким, но в то же время каким-то живым, как кожа, которую давно не касались.

Внутри колыбели лежала серая шаль, сложенная аккуратно, уголок к уголку. Я взяла её в руки. Ткань была мягкая, но тяжёлая, пахла той же полынью. И в ней был кто-то — нет, просто складки так легли. Я отбросила шаль обратно в колыбель и отступила на шаг. Свет из слухового окна вдруг померк, как будто облако закрыло солнце, и на секунду мне показалось, что в углу за колыбелью кто-то стоит. Сердце дёрнулось, я вскинула фонарик, но там были только сложенные друг на друга коробки и пыльная паутина.

— Анна! — раздался снизу голос Марка. — Ты там жива?

— Да, — ответила я, но голос дрогнул. — Спускаюсь.

Я не хотела оставлять её здесь. Сама не понимала почему, но не могла уйти без неё. Подхватила колыбель под дно и подняла. Она оказалась неожиданно лёгкой, как будто изнутри была пустой, но не просто пустой — выеденной, высушенной. Я понесла её к лестнице, стараясь не задеть стены, и с каждым шагом мне казалось, что она слегка покачивается в моих руках, хотя я держала её крепко.

Спускаться было неудобно. Марк ждал внизу, у подножия лестницы, и, когда увидел меня с колыбелью, его лицо вытянулось.

— Это ещё что? Выглядит жутко, — сказал он, отступая на шаг. — Выбросим её, зачем она тебе?

Я поставила колыбель на пол и посмотрела на него. Мирон сидел у него на руках, сосал кулачок и смотрел на колыбель широко раскрытыми глазами.

— Бабушка её хранила. Может, это что-то ценное. Или память какая-то.

— Память? — Марк фыркнул. — От такого только кошмары. У нас ребёнок, Анн. Зачем в доме эта рухлядь?

— Я не знаю, — честно ответила я. — Но выбросить не могу. Давай пока оставим, а потом решим.

Он покачал головой, но спорить не стал. Вместо этого перехватил Мирона поудобнее и кивнул в сторону коридора.

— И куда ты её денешь?

— В детскую. Там всё равно стоит кровать, пусть будет пока.

Марк ничего не ответил, только поджал губы. Я видела, что он недоволен, но не стала его убеждать. Подняла колыбель и понесла в комнату, которую мы заранее решили сделать детской. Это была маленькая угловая комната с окном во двор, с обоями в бледно-голубую полоску. У одной стены стояла наша современная кровать с мобилем из звёздочек, у другой — старый комод с пелёнками. Я поставила чёрную колыбель напротив кровати, накрыла её той самой серой шалью, чтобы не так бросалась в глаза, и отошла. Мирон на руках у Марка завозился, захныкал, потянулся ко мне. Я взяла его, прижала к себе, вдохнула его запах — молочный, тёплый — и вдруг снова почувствовала полынью. Она шла от колыбели, хотя я накрыла её.

— Пойдём ужинать, — сказал Марк, положив руку мне на плечо. — Ты вся бледная.

Я кивнула, но взгляд не отрывала от чёрного дерева, которое едва угадывалось под серой шалью.

Мы поужинали на кухне тем, что привезли с собой: хлеб, сыр, чай в термосе. Марк рассказывал, что завтра поедет в город к нотариусу, а я пусть разберу вещи и присмотрюсь к дому. Я слушала его вполуха, всё время прислушиваясь к тому, что творится наверху. Но там было тихо. Только дождь снова застучал по крыше, и этот стук убаюкивал. Мирон уснул у меня на руках, посапывая, и я отнесла его в детскую, уложила в кровать, укрыла одеяльцем. Чёрную колыбель я старалась не трогать. Она стояла у стены, как и стояла, но теперь мне показалось, что шаль немного сползла и обнажился тёмный бортик с резным узором. Я поправила шаль, не глядя, и вышла.

Ночью я проснулась от холода. Окно в нашей спальне было закрыто, но воздух казался ледяным, и одеяло сползло на пол. Я натянула его обратно и повернулась к Марку. Он дышал ровно, лицо было спокойным. Мирон не плакал — значит, спал. Я закрыла глаза, но сон не шёл. Где-то в доме скрипнула половица. Потом ещё раз, ближе. Я прислушалась. Тишина. Только дождь.

А потом сверху, с чердака, донеслась колыбельная. Тонкая, женская, знакомая до мурашек. Я не помнила слов, но мелодия была та самая, что напевала мне бабушка в детстве, когда укладывала спать. Голос был старый, надтреснутый, но доносился так ясно, будто пели у самого уха. И вместе с ним — скрип. Медленный, ритмичный, как будто кто-то раскачивает колыбель. Ту самую, что я сама спустила с чердака днём. Я лежала, боясь дышать, и слушала, как скрип ускоряется, как голос начинает напевать громче, с каким-то постаныванием. А потом раздался короткий стук по дереву — раз, другой, третий, — и колыбельная оборвалась. В наступившей тишине я услышала, как в детской, за стеной, тихо завозился Мирон. Но не заплакал. А я так и не смогла пошевелиться, чтобы пойти к нему.

Уснуть мне больше не удалось. Я лежала с открытыми глазами, прислушивалась к каждому звуку, но колыбельная не повторялась. Только дождь стучал по крыше, да ветер иногда завывал в печной трубе. Когда за окном начало сереть, я забылась коротким тяжёлым сном.

Мне приснился чердак, залитый серым светом, и чёрная колыбель, которая качалась сама по себе, а внутри кто-то лежал, закутанный в серую шаль, и дышал так тихо, что я не могла разобрать, ребёнок это или нет.

Проснулась я от того, что Марк тряс меня за плечо. Он был уже одет, пахло от него зубной пастой и кофе. В руке он держал ключи от машины, на запястье — часы, которые я подарила ему на день рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.